

Без вести ушедший

Сергей Зыков

Сергей Александрович Зыков

Без вести ушедший

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72096910

SelfPub; 2025

Аннотация

В тишине старого дома, среди пыли и увядших цветов, восьмидесятилетний Леонид встречает утро с непривычной легкостью. Он не знает, что его сердце остановилось ночью. Когда ветер распахивает дверь в пустоту, а сосед проходит мимо, не замечая его, Леониду открывается страшная истина: он – лишь тень себя. Его единственным проводником в этом новом, бестелесном бытии становится загадочная Тень на стене. Поэтичная и философски глубокая повесть о последнем путешествии души – от леденящего страха небытия до диалога с вечностью, олицетворенной Тенью. Это история прощания с забытой жизнью, мучительный поиск ответов на вопросы о смысле существования и невероятное преобразование, рожденное из самой сокровенной, давней мечты о свободе. Повесть о том, как смерть может стать началом полета.

Сергей Зыков

Без вести ушедший

Глава 1. Последнее утро.

Солнечный луч, золотой и ленивый, пробился сквозь пыльную гардину и упал на стол. На старую, потертую скатерть с выцветшими розами. На чайник, давно остывший, эмалированный, с отбитым краешком носика. Рядом с ним стояла банка из-под соленых огурцов. Но не огурцы жили в ней теперь, а скелеты бывлой красоты – увядшие цветы. Стебли тонкие, как паутинки, бутоны сморщенные, цвета пыли и забвения. Это был не букет, а гербарий минувшего лета, последнего, что видел старый дом. Гербарий памяти.

Леонид сидел за этим столом. Ему было восемьдесят один. Точнее, было. Он не знал этого. Он просто сидел, подперев висок ладонью, согнутой в узловатом кулаке. Голова его была пуста, как эта комната. Пуста и тиха. Стены, обитые когда-то светлыми обоями, теперь потемнели от времени и табачного дыма. Они помнили многое: детский смех дочери, давно уехавшей в город, споры с покойной Марфушей, гулкие разговоры с соседями за самоваром. Теперь они помнили только тишину. Гулкую, всепоглощающую тишину одиночества. Звук собственного дыхания казался здесь инород-

НЫМ шумом.

Так проходило каждое утро. Бесконечное, монотонное. Но сегодня было... иначе. Леонид моргнул, пытаясь ухватить эту странность. «Странно-то как...» – прошелестела мысль, едва ли не первая за сегодня. – «Ни пить не охота. Ни есть. Даже... даже ничего не болит». Он осторожно пошевелил плечом, где обычно гвоздем сидела старая боль. Ничего. Колени, обычно скрипевшие, как не смазанные петли, были неподвижны и безмолвны. Во всем теле – непривычная, почти невесомая легкость. Как будто с него сняли тяжелый, мокрый тулуп, под которым он таскался годами. Он вздохнул, и вздох этот показался ему необыкновенно глубоким и чистым, будто вдохнул не пыльный воздух избы, а кристальный горный ветер.

Время текло медом, густым и тягучим. Час. Другой. Солнечный луч переполз на банку с мертвыми цветами, высветив каждую прожилку на увядшем лепестке.

И вдруг – грохот! Не просто скрип или стук – оглушительный, яростный удар! Входная дверь с силой распахнулась, ворвавшись в тишину, как незванный буян. Она ударилась о стену так, что старый дом содрогнулся всем своим деревянным нутром. Со стен и потолка посыпалась побелка, мелкой, сухой пылью, закружившейся в солнечном луче, как снежинки в стеклянном шаре.

Леонид вздрогнул, оторвав голову от руки. «Ничего себе! Ух какой ветер поднялся!» – пробормотал он, и в голосе его,

к собственному удивлению, прозвучал не страх, а пробудившееся любопытство. «Пойду выйду на крыльцо, гляну что кого. Может, тучу какую надвинуло?»

Он поднялся. Легко. Без привычного кряхтения и опоры на стол. Прошел по скрипучим половицам прихожей и вышел на крылечко. Воздух был теплым, почти летним, без намека на ураган. И тут он увидел его.

По пыльной дорожке между огородами шел Михалыч. Сосед. Лет семидесяти, плотный, крепко сбитый, всегда державшийся с подчеркнутой важностью, будто носил невидимый мундир. Даже его хромота и одышка, о которых все знали, казались частью этого статного образа. Он шел медленно, опираясь на палку, погруженный в свои невеселые думы.

Радость, теплая и неожиданная, хлынула в Леонида. «Мих... Михалыч! Здравствуй, родной!» – крикнул он во весь голос, широко улыбаясь, обнажая редкие желтые зубы.

Михалыч не повернул головы. Не замедлил шага. Не моргнул. Он просто шел мимо, как будто крыльцо и старик на нем были прозрачны, как воздух. Прошел в десяти шагах и скрылся за углом своего дома.

Леонид замер, улыбка медленно сползла с его лица. «О как...» – прошептал он, и в голосе его зазвучала старая, знакомая горечь. – «Что, оглох совсем? Или sdурел?.. Вот она и старость, уж точно не в сласть». Одиночество, на мгновение отступившее, накатило с новой силой, тяжелое и холодное.

Он вздохнул и потянулся к дверной ручке, чтобы закрыть

дверь. Ладонь привычно сжалась в воздухе там, где должна была быть холодная железка. Но... ничего. Пустота. Он смотрел на свою руку, на место, где должна быть ручка, и снова протянул руку. Пальцы прошли сквозь металл, как сквозь дым, не встретив ни малейшего сопротивления. Он попытался схватить ручку, сжать ее – ладонь смыкалась в пустоте, обнимая лишь собственные пальцы.

Сердце Леонида, которое он почти не чувствовал все утро, вдруг замерло, а потом гулко стукнуло где-то в горле. Холодный ужас, острый и незнакомый, скользнул по позвоночнику. «Что ты будешь делать...» – его голос дрогнул, стал тихим и сиплым. – «Уже и дверь закрыть не могу... Будто рука сквозь нее проходит... Помирать уж точно пора, куда уже мне дряхлому старику. А зима настанет, так вообще хана... Раз дверь не могу закрыть даже...» Он оглянулся на пустой двор, на свой старый дом, вдруг показавшийся чужим и ненужным. Отчаяние, густое и черное, подступило к горлу. «Да пропади все пропадом!» – выдохнул он сдавленно и, развернувшись, пошел обратно в дом, в кухню. Дверь так и осталась зиять черным провалом.

Он шел по прихожей, не глядя по сторонам, уткнувшись взглядом в пол. Но краем глаза он уловил движение в стареньком, покрытом паутиной и пятнами зеркале, висевшем на стене. Движение... или его отсутствие? Он прошел мимо, сделал шаг, два... и остановился как вкопанный. Медленно, очень медленно, он повернулся.

Подошел к зеркалу вплотную. Встал напротив.

В тусклом, потускневшем стекле отражалась прихожая: угол шкафа, полоса света от открытой двери в кухню, пыльная тумбочка. Но его там не было. Ни его морщинистого лица с седыми щетинистыми бакенбардами. Ни его выцветшей, заплатанной на локте рубахи. Ни его рук, все еще сжатых в бесполезные кулаки. Там было пустое место, где он стоял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.